

Окончание. Начало — на стр. 1

"МОГУ", — ГОВОРИЛ Ю.А. Овчинников в любых обстоятельствах и добивался блестящих результатов во всём, за что бы ни брался: покорял Красноярские столбы и, поражая коллег, самые отвесные альпийские скалы, был чемпионом МГУ по борьбе и по-гроссмейстерски играл в шахматы, прекрасно плавал, в том числе и под водой, читал со скоростью свыше 1000 слов в минуту, свободно владел английским и немецким языками, а заинтересовавшись испаноязычным миром, тут же взялся за изучение испанского, а потом в течение десяти лет возглавлял Общество дружбы "СССР — Испания". Юрий Анатольевич обладал незаурядным актерским талантом, раскрывшимся ещё в студенческие годы. Когда Лилия Брик увидела его в роли молодого Маяковского на сцене ленинградского театра в пьесе В.А. Катаняна "Они знали Маяковского", она расплакалась, потрясенная игрой талантливого студента. Выдающийся актер Николай Черкасов, также исполнявший роль Маяковского

ков упорно возражал: "Я могу в типовом здании заниматься наукой вчерашнего дня или в крайнем случае дня сегодняшнего, но не смогу в нём заниматься наукой будущего". Этот его аргумент в итоге решил судьбу проекта, и необходимое финансирование было выделено. В 1984 г. ИБХ переехал в новое здание на улице Миклухо-Маклая, которое иногда называют ДНК-зданием. Здание действительно построено в виде двойной спирали ДНК, что особенно хорошо видно на кадрах аэрофотосъемки. Именно Овчинников был инициатором использования подобного образа, который имеет не только символическое, но и практическое значение, гармонично сочетая пространства для химических, биологических и физических исследований, а также для мелкомасштабного экспериментального производства. Для удобства сотрудников в здании есть даже зимний сад и бассейн. Перед зданием — скульптурная композиция, изображающая изящную пространственную структуру одного из депсипептидов — валиномицина, исследованиями которого по праву гордятся сотрудники ИБХ. Инте-

тал с 1987 по 1992 год. В начале восьмидесятых для изучения биохимии природных соединений у Ю.А. Овчинникова возникла идея организовать биостанцию в тропическом поясе с его удивительным биологическим разнообразием. Этой идеей он сумел заинтересовать ректоров ведущих перуанских университетов. Реализовать проект, который очень не нравился американцам и к тому же требовал значительного финансирования, было очень непростой задачей, но Юрий Анатольевич никогда не останавливался на полпути и всегда доводил начатое до конца. После переговоров с ректорами перуанских университетов в Москве и последующей поездки делегации АН СССР в Перу все необходимые документы были подписаны перуанской стороной, а на следующий же день после возвращения из поездки в Латинскую Америку у Ю.А. Овчинникова уже был готов проект постановления ЦК КПСС и правительства по биотехнологии, куда был включен и пункт об организации биостанции в Перу. В 1985 г. станция успешно заработала и дала богатейший материал для исследований.

ния исследований, и в дальнейшем, сконцентрировав имеющиеся финансовые ресурсы на наиболее перспективных работах, в конечном итоге сэкономили государственные средства. С этим вопросом вице-президент Овчинников пошёл на приём к всевысшему члену Политбюро ЦК КПСС, курировавшему науку. Там он в ответ на свои аргументы услышал, что "вашим учёным за границей только джинсы нужны". "И вы с такими взглядами курируете фундаментальную науку?", — задавал вопрос Овчинников. "А вы кому-нибудь об этом уже говорили?", — последовал встречный вопрос. "Я, безусловно, скажу, если потребуется", — ответил Ю.А. Овчинников. После этого разговора он получил добро на выезд за рубеж необходимого, по его мнению, количества учёных. Юрий Анатольевич был человеком поистине всемирного масштаба. Помимо огромного авторитета в научном мире (достаточно упомянуть, что в течение пятидесяти лет своей жизни — с 1972 по 1988 г. — по цитируемости научных работ, согласно данным американского еженедельника "The Scientist", он занимал первое ме-

сто среди всех советских химиков и биологов, а на конференции, которые он проводил, даже в годы холодной войны всегда съезжались абсолютно все, включая самых именитых приглашённых) он пользовался заслуженным уважением королей и президентов, политиков, министров и крупных бизнесменов, многих из которых он хорошо знал лично. Приведу лишь два примера.

В восьмидесятые годы он, как председатель Общества дружбы "СССР — Испания" несколько раз встречался с президентом Международного олимпийского комитета и председателем испанского Общества дружбы с СССР Хуаном Антонио Самаранчем. Самаранч был под таким впечатлением от бесед с Ю.А. Овчинниковым, его человеческого объяснения и энциклопедических знаний, в том числе и в области живописи, что предложил организовать в Институте белка в Пушино выставку картин из его личной коллекции, в которую входили полотна Гойи, Веласкеса и других гениальных живописцев. Эта идея, как и всё, за что брался Юрий Анатольевич, была успешно реализована.

В 1985 г. возглавлявшаяся Ю.А. Овчинниковым делегация АН СССР, в состав которой входили академики и директора ведущих академических институтов, прилетела в Гавану подписывать соглашение о научном сотрудничестве с Кубой. После завершения официальной части визита поздно вечером познакомиться с делегацией неожиданно приехал Фидель Кастро. По его собственным словам, он заехал всего на полчаса выразить своё уважение членам делегации. Но начав беседовать с Овчинниковым, Кастро так увлёкся, что разговор о проблемах бытия, границах научного познания и развития человека продолжался до самого утра, почти шесть часов.

Фидель Кастро делился размышлениями о том, что реализация задач социального проекта путём роста материального достатка сама по себе ещё не делает людей счастливыми, так как такой рост — без обогащения духовной сферы человека — незаметно деформирует, обедняет шкалу ценностей. Между двумя одинаково важными процессами может даже возникнуть антагонизм. В теории социализма формально эта проблема была сформулирована, но совершенно не разобрана. Фидель Кастро пришёл к выводу о необходимости принципиального увеличения "инвестиций в человека", расширения возможностей участия в деятельности, приносящей духовное удовлетворение. Первыми такими сферами он считал образование, эффективное здравоохранение и спорт.

Ю.А. Овчинников, исходя из советского опыта, считал, что само по себе образование, без обширных сфер деятельности, требующих высокого уровня знаний и умений, не приносит удовлетворения. Напротив, не находя применения своему потенциалу, человек страдает. Разрешение этого противоречия академик Овчинников видел в расширении сфер творческой работы как источника счастья и преодолении шор обывательского восприятия коммунизма. Ю.А. Овчинников, как никто другой понимал, что сделать так, чтобы человек почувствовал себя счастливым, больше биохимическими способами. Но ещё лучше он понимал, что нельзя вторгаться в эту тонкую сферу, и что истинное, а не суррогатное, счастье может дать людям только раскрытие гигантского творческого потенциала. Фактически с кубинским лидером

среди столбиков памяти погибших, наша ретро-машина заглохла. Помощи ждать неоткуда, связи нет, вокруг — безжизненная пустыня и летающие над ней грифы. Все серьёзно приуныли и ждали взрыва негодования от Овчинникова как главы делегации. "Я только одного не понимаю: зачем мы забрались в славный город Хульйяну?" — пошутил Юрий Анатольевич. Это сразу сняло напряжение в сложной ситуации, и мы дружно взглянули за рулевым зеркалом древнего автомобиля, и в конечном итоге успешно добрались до Лимы.

"Он обладал французским обаянием, итальянским темпераментом, немецкой деловитостью, искренностью и прямой американца, сердечностью русского. Какое сочетание!", — написал о Ю.А. Овчинникове нобелевский лауреат, специалист по молекулярной биологии Гюнтер Блобель. С этими словами согласятся все, кто знал Юрия Анатольевича. Но все эти качества скорее внешнее описание человека. А по своему внутреннему содержанию это был интеллект космического масштаба в сочетании с такой же космической энергией. И эти интеллект и энергия были устремлены

Куба, Дом приёмов посольства СССР, 1985 год. В центре — Юрий ОВЧИННИКОВ и Фидель КАСТРО

в этой пьесе, настойчиво приглашал Овчинникова играть в театре. "Ну зачем тебе пробытки? Ты можешь стать великим артистом!" — говорил он будущему академику. Не удивительно, что в эпоху освоения космоса, покорения ядерной и термоядерной энергии, создания новых веществ и материалов, квантовых генераторов и полупроводниковых приборов, эпоху настоящего подвижничества в науке и массового интереса к ней, Юрий Анатольевич с его незаурядным творческим мышлением, любознательностью и способностью моментально схватывать самую суть любой проблемы выбрал именно науку, которой отдался с таким же упоением и азартом, как спорту и сцене. Исследовательский процесс, обсуждение и осмысление полученных результатов приносили ему высочайшее удовлетворение. Он считал науку, как и искусство, двумя сторонами стремления человека к истине, красоте, гармонии и познанию законов природы.

После окончания аспирантуры молодой учёный занялся малоизученной на тот момент областью — химией пептидов, а точнее депсипептидами-антибиотиками. Его исследования в области расширения структур, химического синтеза и изучения конформационных состояний пептидов послужили основой для создания новых высокоактивных пептидов различной природы (гормонов, антибиотиков, неопептидов, субстратов и ингибиторов ферментов). За пионерские исследования в области избирательного переноса ионов металлов через мембраны его стали называть первым мембранологом. В конце 1970-х годов Ю.А. Овчинников одним из первых в нашей стране оценил возможности генетической инженерии для получения практически важных белков и открывающиеся перспективы для развития биотехнологии. Под его руководством была расширена структура целого ряда белков, созданы продукты первых отечественных продуктов генно-инженерной биотехнологии — интерферона и инсулина человека.

Как директор института Ю.А. Овчинников мечтал создать самый совершенный и передовой исследовательский центр, где были бы созданы наилучшие условия для творческого труда учёных. В середине семидесятых он добился решения о строительстве для ИБХ нового современного здания. При обсуждении вопросов финансирования "наверху" настаивали на реализации типового проекта. Но Ю.А. Овчинни-

керы в футуристическом стиле, выполненные с учётом указаний и рекомендаций Овчинникова, напоминают не обычный институт, а, скорее, показанное в "Солярисе" А. Тарковского. В институте всегда, даже в тяжёлые для науки девяностые, было много молодежи. "Молодёжь — это наша надежда. И от её умения и труда зависит очень многое", — говорил Ю.А. Овчинников и не жалел своего времени и сил для подготовки молодых учёных. В 1975 г. он создал кафедру биоорганической химии в МГУ, в 1982-м — кафедру физико-химической биологии и биотехнологии в МФТИ, а затем — Учебно-научный центр в ИБХ, где часто читал яркие лекции, неизменно собиравшие переполненные аудитории.

Юрий Анатольевич гордился своим институтом и научными достижениями своих коллег. Когда в 1974 г. его избрали вице-президентом Академии наук СССР, в ходе выборов возник вопрос о том, кто ему будет трудно совмещать руководство институтом с постом вице-президента. Представлявший кандидатуру Овчинникова президент АН СССР М.В. Келдыш на это ответил, что "Юрий Анатольевич за два часа может сделать больше, чем другой за неделю". Его плодотворная работа и на посту директора ИБХ, и в качестве вице-президента Академии наук стала тому блестящим подтверждением.

Юрий Анатольевич сыграл огромную роль в возобновлении в СССР масштабных исследований в области биологии, в которой из-за засилья лысенковщины СССР к тому моменту отстал на несколько десятилетий. Если бы не Овчинников, генетика ещё долго продолжала бы находиться под запретом. По его инициативе в 1973, 1981 и 1985 гг. было принято три постановления ЦК КПСС и правительства СССР о развитии молекулярной биологии, предусматривающих комплекс мер по строительству, финансовой и кадровой поддержке большого числа научных центров. Реализация этих мер позволила осуществить громадный скачок в развитии отечественной биологии и биотехнологии и практически ликвидировать отставание от Запада в этой области. "Выживать" необходимые на эти цели средства было непростой задачей, но дипломатичный и харизматичный вице-президент умел находить весомые аргументы не только в научных спорах, но и в беседах с секретарями ЦК КПСС и членами правительства.

Вспоминается история с перуанской биостанцией, директором которой я рабо-

За неполных 15 лет на посту вице-президента Ю.А. Овчинников удалось чрезвычайно много. По всей стране была создана сеть лабораторий и НИИ биоорганической химии, организованы соответствующие кафедры в ведущих вузах, в т.ч. в МГУ и МФТИ, постоянно укреплялась материальная база генно-инженерных и биотехнологических исследований. Сделанное им помогло нашей фундаментальной науке удержаться на плаву в "лихие девяностые". Юрий Анатольевич считал Академию наук мощнейшим институтом для развития фундаментальной науки исследований, который помог советской науке выйти на ведущие позиции в мире. "Задача фундаментальной науки заключается в том, чтобы развиться во всех возможных направлениях, потому что трудно себе представить заранее, где именно произойдёт "всплеск". И Академия наук оказывается всегда готовой к развитию самого неожиданного направления", — говорил Овчинников и в качестве примера приводил генетическую инженерию, в которой в течение очень короткого периода произошёл настоящий прорыв. Нет сомнений, что, если бы ему суждено было дожить до сегодняшнего "реформирования" Академии наук, он приложил бы всю свою энергию, чтобы не допустить случившегося разгрома.

Ю.А. Овчинникова всегда отличали государственный размах, широта взглядов и стратегическое видение перспектив. Его постоянной заботой было обеспечение высокого уровня работ академических институтов и их соответствия пульсу времени. "Невозможно представить настоящего учёного, который не требовал бы от себя и своих коллег, чтобы сделанное ими отвечало новейшим мировым достижениям и открытиям", — говорил он и поэтому уделял большое внимание обновлению кадров, притоку молодежи, зарубежным стажировкам талантливых учёных и их участию в международных конференциях. Когда в восьмидесятые годы в ЦК КПСС было принято решение, в соответствии с которым на международные конференции могло выезжать не более 15 учёных, Юрий Анатольевич категорически не мог с этим согласиться. Он считал, что детальное знакомство большой группы учёных с работой зарубежных лабораторий и исследовательских центров позволяет не только познакомиться с достигнутыми результатами, но и оценить многообещающие и туловищные направле-

Окончание. Начало — на стр. 1

РАЗВЕ МОЖНО забывать о том, что Черноморское побережье Грузии усилили Бери стало к концу 1930-х годов всесоюзной здравницей, а во время войны — одним огромным госпиталем?

До того, как Берия возглавил Грузию, в грузинском руководстве были сильны националистические настроения. Яркий пример — "старый большевик" Буду Мдивани: "по форме" коммунист, по сути — смесь националиста и троцкиста.

В начале 1920-х годов, когда Берия был направлен в Грузию, Мдивани и его сторонники составляли в ЦК Грузии большинство. При этом они тормозили хозяйственное и политическое объединение закавказских республик. В начале группа Мдивани была и против образования СССР, и эта их позиция играла на руку буржуазным националистам и грузинским меньшевикам...

Через много лет, когда в стране происходили грустные события конца 1980-х годов, Феликс Чувев своей книге "Так говорил Каганович" привёл разговор с бывшим "железным наркомом" Сталина: *Каганович:* "А что с Грузией происходит? — кошмар!" *Чувев:* "Грузинам нужна торговля напрямую с Западом. Конечно, простой народ от этого ничего иметь не будет". *Каганович:* "Что, что Мдивани требовал при Ленине. И они хотят уйти от нас".

Как видим, и на склоне лет Каганович не забыл Мдивани и его претензий. В 1937-м Мдивани арестовали и приговорили к расстрелу, но расстрелял его Берия за дело. Выслушав растерянный приговор, Мдивани заявил: "Меня мало расстрелять, меня четвертовать надо! Ведь это я... я... предстал всей народ и поглотил Сталина и Берия... поработит Грузию". Народная Грузия расцветала, все более украшая собой общесоюзную "букет республик", но что было до того Мдивани! Злоба и зависть всегда слепы...

Вот с кем приходилось бороться Берия, и во главе ЧК Закавказья, и во главе закавказской и грузинской партийных организаций. При этом Берия боролся в Грузии с врагами за мощь, целостность и процветание не только Грузии, но и всего Советского Союза. Это важно знать и понимать: всё, что создавал Берия в Грузии — от новых заводов до новых здравниц — тесно и неразрывно привязы-

Сергей КРЕМЛЁВ ПОДВИЖНИК

Семь побед Лаврентия Берии

вало Грузию к России, делало Грузию частью большой страны. Берия-победитель был многообразен, однако из многих побед Берии можно выделить семь крупных блоков: 1) чекист Закавказья; 2) мощный реформатор Грузии; 3) реформатор НКВД; 4) один из творцов Победы; 5) куратор атомной и ракетной проблем; 6) организатор послевоенного экономического и научно-технического развития СССР; 7) "отец" московских "высоток"...

Заговор молчания вокруг фигуры Берии был так мощен и длился так долго, что даже сегодня наиболее известна лишь одна из крупных побед Лаврентия Павловича, одержанных им для России, — решение им всего за четыре года урагановой проблемы, то есть создание советской атомной бомбы и тем самым — ликвидация монополии США. Практически неизвестно, например, то, что Берия многое сделал и для ракетных наших программ. Причём имеются в виду не только полностью контролируемые Берией работы по системе ПВО "Беркут" и крылатой ракете "Комета", но и по баллистическим ракетам. П.И. Канур, автор статьи "Ракетная техника СССР: послевоенный период до 1948 г." в журнале РАН "Энергия" писал: "Фактически ракетостроением руководил Л.П. Берия. Г.М. Маленков не занимался организационными и производственными вопросами и был формальным председателем комитета..."

Так же замалчивается, что Берия реформировал советскую внешнюю разведку, превратив её из сомнительного полуподлегантского коминтерновского "междусобойчика" в эффективный элемент государственного аппарата. Придя в НКВД СССР, Берия стал и реформатором погранвойск. То, что сделал он в этом отношении, не исчерпало себя и через десятилетия после войны.

Вот Берия и был предан. Но даже это единственное поражение Берии оборачивается сегодня победой, пусть и не вестественной, а нравственной. Хрущёв считал, что он не просто избавил от конкурента, но и вычеркнул его из истории страны или, по крайней мере, обеспечил Берии лишь геростратову славу. А что вышло на деле? Как смотрит сегодня на Хрущёва всё большее число людей, желающих исторической правды?

И как всё большее число людей смотрит на Берию?

Сталин предвидел, что на его могилу нанесут много мусора и грязи, но ветер истории разметет всё наносное и останется неприкрытая правда о том, что Россия под руководством Сталина прошла путь от сохи до атомной бомбы.

Однако ветер истории развеивает мусор не только на сталинской могиле, он сметает на свалку и ложь о Лаврентии Берии. Берия побеждал за счёт ума, энергии, веры в людей, и лишь раз был побеждён, а точнее — предан. А в итоге всё равно победил!

Берия не палачествовал: в НКВД при нём было открыто бюро жалоб, а из лагерей вышло более 200 тысяч человек.

Берия не летал на Канары, не ездил в круизы, не таскался по модным горнолыжным курортам... И даже — хотя ему это раз за разом приписывают — не имел личных гаремов из "звёзд" и "топ-моделей"... Но жизнь Лаврентий Берия прожил настоящую, деятельную, захватывающую и человечески привлекательную...

В атомном Арзамасе-16 жила и скончалась на 92-м году жизни Людмила Дмитриевна Павлова-Головина (в девичестве — Катаева). На "объект" она приехала в 1947 году молодым врачом-кардиологом, многие годы лечила всю "объектовую" "верхушку" атомного проекта: академиками Харитона, Щёлина, Зельдовича и других... Лечила она и директора "объекта", дважды Героя Социалистического Труда, генерал-лейтенанта инженерной службы Бориса Глебовича Музрукова...

Вот Берия и был предан. Но даже это единственное поражение Берии оборачивается сегодня победой, пусть и не вестественной, а нравственной. Хрущёв считал, что он не просто избавил от конкурента, но и вычеркнул его из истории страны или, по крайней мере, обеспечил Берии лишь геростратову славу. А что вышло на деле? Как смотрит сегодня на Хрущёва всё большее число людей, желающих исторической правды?

И как всё большее число людей смотрит на Берию? Сталин предвидел, что на его могилу нанесут много мусора и грязи, но ветер истории разметет всё наносное и останется неприкрытая правда о том, что Россия под руководством Сталина прошла путь от сохи до атомной бомбы. Однако ветер истории развеивает мусор не только на сталинской могиле, он сметает на свалку и ложь о Лаврентии Берии. Берия побеждал за счёт ума, энергии, веры в людей, и лишь раз был побеждён, а точнее — предан. А в итоге всё равно победил! Берия не палачествовал: в НКВД при нём было открыто бюро жалоб, а из лагерей вышло более 200 тысяч человек. Берия не летал на Канары, не ездил в круизы, не таскался по модным горнолыжным курортам... И даже — хотя ему это раз за разом приписывают — не имел личных гаремов из "звёзд" и "топ-моделей"... Но жизнь Лаврентий Берия прожил настоящую, деятельную, захватывающую и человечески привлекательную...

В атомном Арзамасе-16 жила и скончалась на 92-м году жизни Людмила Дмитриевна Павлова-Головина (в девичестве — Катаева). На "объект" она приехала в 1947 году молодым врачом-кардиологом, многие годы лечила всю "объектовую" "верхушку" атомного проекта: академиками Харитона, Щёлина, Зельдовича и других... Лечила она и директора "объекта", дважды Героя Социалистического Труда, генерал-лейтенанта инженерной службы Бориса Глебовича Музрукова...

Музруков со Сталиным не встречался, но стиль Сталина знал, ибо директор Уралмаша, выпускавшего танки, в поле зрения Сталина попадал. Что же до Берии, то, как уже сказано, Музрукову приходилось много взаимодействовать с ним ещё во время войны, а после неё именно Берия привлек Музрукова к "атомным делам". И вот в момент, который был, безусловно, "моментом истины", вновь вернувшись с того света на этот, Музруков ответил: "Людмила Дмитриевна, ничего не слушайте, не верьте никому... Помните: тем, что мы сейчас с вами разговариваем, что мы живём и что живёт страна, мы обязаны прежде всего двум людям — Сталину и Берии". Так человек, который сам много сделал вначале для того, чтобы день 9 мая 1945 года стал для России Днём Победы, а позднее сделал не меньше для того, чтобы обеспечить России прочный мир, оценил вклад в её историю двух великих её сынов, потрудившихся в середине XX века для России больше, чем кто-либо другой.

Впрочем, совершить так много Сталин и Берия смогли только потому, что не отделили своей судьбы ни от судьбы России, ни от судьбы и будущего её народов.

P.S. Автор обращается к тем своим согражданам, которые обладают правом законодательной инициативы, с предложением организовать кампанию за полную юридическую и историческую реабилитацию выдающегося сына России — Лаврентия Павловича Берии, а также за достойное увековечение его памяти в общенациональном масштабе.